

На пути к успеху

Алистер

В одиннадцать лет я впервые тренировался, имея конкретную цель. В 2000 году перед Рождеством один мой школьный друг похвастался своей формой, в которой выступал за Йоркшир на соревнованиях по бегу, и мне стало завидно. Он это заметил и сказал, что если в январе я попаду в первую восьмерку на первенстве графства, то тогда автоматически получу и форму, и возможность представлять свой округ на чемпионате страны. Это был прекрасный шанс. После Рождества оставалось всего три недели, чтобы подготовиться к соревнованиям, и я подумал: «Ничего, буду тренироваться изо всех сил».

До этого инициатива всегда принадлежала родителям: они водили меня на плавание, мы вместе бегали. Но в тот момент я впервые взял ответственность на себя.

Все получилось. На той гонке в Ротереме я пришел седьмым, меня взяли в сборную, я получил форму, но скоро понял, что мне этого мало. Я решил победить.

В следующем году соревнования проходили под Лидсом в Bodington Hall, сейчас я там тренируюсь каждую субботу. После Рождества я снова усиленно тренировался, сам

выходил на пробежки, заставлял себя, думая о том, насколько сильно я хочу победить.

Конечно же, мои усилия были вознаграждены. Мне казалось, что я вырвался вперед на километры, хотя на самом деле я обогнал соперников метров на пятьдесят. Хотя это немалое преимущество на дистанции три километра. Я помню медаль и награждение. Медаль была в маленькой коробочке и до сих пор хранится среди наград в доме у родителей. На церемонии награждения были мама, папа и дедушка. Я был весь в грязи, дрожал от холода. Дедушка посмотрел на это, снял плащ и укрыл меня.

Я всегда ненавидел слово «цель». Когда тренер говорил мне, что нужно ставить цели, я думал: «Да какая разница? Мне просто нравится тренироваться». Должен признать, что в тот раз я все-таки поставил себе цель, даже если и не осознал этого сам. Я знал, что хочу победить в первенстве Йоркшира, и тренировался, чтобы исполнить желание. Победа меня окрылила.

Уже тогда я понимал, что это всего лишь этап. Важность мотивации сразу стала для меня очевидной. Я захотел победить в лиге Западного Йоркшира и с легкостью это сделал. После этого вышел на новый этап — первенство северных графств, где раз за разом приходил вторым. Помню, что первенство среди всех графств и чемпионат страны были пределом мечтаний, они казались чем-то очень далеким, но амбиции росли. Я всегда смотрел дальше, пытался достичь большего, мне никогда не хватало победы в местных гонках.

Каждый год соперники менялись. Я участвовал в забегах по пересеченной местности, в соревнованиях по триатлону и всегда боролся с разными противниками. Адам Хики был одним из самых сильных в беге, он превосходно

бегал по пересеченной местности, намного лучше, чем я. До шестнадцати лет он побеждал во всех гонках с большим отрывом, кроме того, он умел плавать и теоретически мог победить меня в триатлоне. Адам был крупным парнем, одаренным от природы, намного сильнее меня. Таких, как он, была целая команда — «Парни из Эссекса». Они задавали тон и один раз взяли все четыре призовых места на первенстве страны.

В четырнадцать лет я был готов побороться за форму Великобритании и решил попасть на юношеский чемпионат Европы в эстафете. Я знал, что Адам пройдет, но в команду брали трех человек, а значит, шанс оставался и у меня, несмотря на то что в своей возрастной группе я был младше всех.

Квалификационная гонка проходила на взгорье Ривингтон Пайк в нескольких километрах от Болтона. Все было серьезно: заплыв в полузамерзшем озере, километры бега до транзитной зоны, суровая атмосфера. Честно сказать, я был не в лучшей форме, за несколько часов до этого мне пришлось бежать, чтобы квалифицироваться в сборную Англии по кроссу, тем не менее я смог финишировать в первой тройке. Так я впервые попал на международные соревнования в Австрию и получил форму своей страны.

В четырнадцать лет форма сборной команды кажется пределом мечтаний, хотя сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, какой это был ужас. В те страшные времена я занимался триатлоном в коротких плавках и топе. Я был таким низкорослым и щуплым, что на мне висела форма даже самого маленького размера, которая вообще-то должна плотно облегать. Я сказал, что плавать в ней не могу, она надувалась на мне, как парашют. Мне посоветовали

проплыть, натянув верхнюю часть костюма пониже и заправив в плавки.

Я проходил первый этап, вторым был Гевин Стоукс, а завершал эстафету Адам Хики. Пока я готовился к своему этапу — проплыть двести метров, проехать пять километров и пробежать два с половиной, — один из судей задумал снять меня с соревнований. Я был таким маленьким, что он засомневался в моем возрасте. На самом деле я был всего на год младше всех остальных (мне было четырнадцать, всем остальным по пятнадцать), но вот ростом не вышел. Мы тогда победили, и я начинал входить во вкус.

В то же время я начал понимать, как хорошо быть здоровым и сильным. На следующий год я снова прошел отбор на чемпионат Европы в эстафете, и мы поехали в Венгрию. На этот раз поездка прошла настолько же ужасно, насколько прекрасной была поездка в Австрию. Я и не подозревал, что отправился на беговой этап с усталостным переломом, и когда как обычно помчал во весь опор, услышал на ходу, как что-то громко хрустнуло в ступне.

Мне оставалось пробежать еще два километра с переломом, отступить было некуда, я не мог подвести команду. В теории это может звучит героически, но на практике я сильно мучился. Я отставал на километры, и мне было так больно, что в обмороке я упал с причала. Я ударился о воду, доплыл до лестницы, вылез и побежал дальше.

Мой успех в юношеском спорте был слишком стремительным. Когда я попал на чемпионат мира в Японию в 2005 году, я был в ужасе. Огромным испытанием стали для меня как дорога туда, так и сама гонка. Я, обычный британский ребенок, понятия не имел, насколько Япония отличается от других стран, и даже не мог предположить всего накала страстей на самой гонке. В Японию я ехал

как второй лучший атлет Великобритании, в то время как в мировом масштабе я был никем. На чемпионате Европы среди юниоров в том же году было не легче. Я просто не был готов к соревнованиям такого уровня, почти все соперники были меня старше на два года, и я не дотягивал до них. Олли Фриман, ведущий английский спортсмен, намного превосходил меня.

Но этот опыт стал мне отличным пинком под зад. Я поклялся больше никогда не участвовать в гонках только потому, что я прошел по результатам. Мне стало недостаточно участия, если я выходил на старт, то должен был побеждать. Я ненавидел сам себя за то, что мог думать, что пройти квалификацию — это достижение. Когда я вернулся домой, мой тренер Малкольм Браун повторил все то, что я уже для себя решил сам: «Ты больше никогда не полетишь на другой край света только затем, чтобы так позорно выступать».

После провала я работал над собой как никогда и достиг значительного прогресса. Первым показателем стала победа в первенстве по кроссу среди британских школ после нескольких лет попыток и провалов, когда я приходил девятым, одиннадцатым, десятым... И неважно, что это первенство совпало с чемпионатом мира, куда уехали некоторые спортсмены. Мои приятели подтрунивали надо мной, что я становлюсь чемпионом, только если лучшие спортсмены в отъезде, но вскоре перестали — я занял четвертое место на первенстве страны.

В то время меня было легко обойти. У меня случались хорошие гонки, но стабильности в результатах не было, я оставался на каком-то своем уровне. Смена приоритетов и долгие часы тренировок принесли свои плоды. В школе мне разрешали бегать в перерыве между уроками,

на занятия я добирался на велосипеде и привык много тренироваться в бассейне. Свою роль сыграла и физическая зрелость, хотя я и сравнительно поздно ее достиг.

Уже тогда я знал, что хочу стать профессиональным спортсменом. На уроке профориентации учитель ходил по классу и с очень деловым видом спрашивал: «Кем *ты* хочешь стать, дорогой?» Все отвечали: нейрохирургом, адвокатом... Когда очередь дошла до меня, я ответил неожиданно для всех, что хочу стать профессиональным спортсменом. Учитель посмотрел на меня и нахмурился: «Ты уверен, что у тебя получится, дорогой?»

Я не мог на него обижаться, ведь даже если он и слышал о триатлоне, то о моей страсти к спорту он вряд ли догадывался. Через несколько минут, он сказал: «Мальчики, запомните: неважно, чем вы занимаетесь... Вы не будете работать ни дня в своей жизни, если будете получать удовольствие от своего дела».

Оставалась только одна проблема — я не был уверен, что действительно могу стать профессиональным триатлетом. В этом спорте не было проторенных дорожек, не было лиг, как в футболе, не было тренировочных программ. Поэтому я решил пойти учиться в университет, несмотря на то что особенным желанием не горел и понимал, что поступаю неправильно. Другие перед поступлением на медицинский дополнительно занимались, готовились к собеседованиям, один я не парился.

Я подал документы в четыре вуза, в том числе в кембриджский Гиртон-колледж. Тема вступительного сочинения была такая: «Мало знать — опасно». Я сидел и мечтал о том, как я возвращаюсь в Лидс и сажусь на велосипед. Когда одним прекрасным утром я получил письмо, в котором говорилось, что я поступил, я был удивлен не меньше

моих учителей. Директор школы подошел ко мне и с нескрываемым удивлением спросил: «Ну что, Алистер, поедешь учиться?»

У меня были другие приоритеты. Сразу после одного из выпускных экзаменов я умчал на чемпионат Европы во Францию, где даже не успел посмотреть трассу. На следующее утро я уже стартовал и в результате пришел только третьим после француза Орельена Рафаэля и Александра Брюханкова из России. Несмотря на скромный итоговый результат (я плохо проплыл и проехал на троечку), меня грела мысль, что пробежал я на минуту быстрее всех. К тому же свои пять километров я пробежал быстрее, чем их пробегают взрослые на дистанции в десять километров. Это не дало мне раскиснуть.

На меня стали обращать внимание, но только в Европе, на мировом уровне все оставалось по-прежнему. Я прекрасно понимал, что чемпионаты Европы — это всего лишь ступень.

Старший тренер сборной страны по триатлону выступил перед нами с длинной речью после тех чемпионатов. Он сказал, что мужская сборная Великобритании побеждает во всех возрастных группах и это замечательно, но чемпионат мира всего через полтора месяца и мы не должны расслабляться. Я сидел и думал, что это и так ясно.

У меня было желание исчезнуть, чтобы посвятить все время тренировкам, но в разгар лета у всех были каникулы. Бассейны закрыты, тренировок по бегу нет. Тогда я начал тренироваться с местными ребятами, плавал каждый день в полвосьмого утра.

Чемпионат мира проходил в Луизиане. Я понимал, что хоть я и не фаворит этой гонки, шанс победить у меня

есть, тем более я очень этого хотел. Джонни тоже отобрался на этот старт. Я был на год младше всех, но он-то на все три. «Черт подери, — думал я, — если Джонни удачно проплывет и вырвется вперед меня, что же это будет?»

Я прошелся по трассе перед гонкой, высматривая серьезных соперников. Один выделялся из всех, это был американец по имени Стивен Дуплински. Я знал, что он бежит быстрее меня, поэтому тренерам я заявил: «Мне наплевать на остальных, скажите, где Дуплински». На велоэтапе я вопросительно посмотрел на тренера, который мне крикнул: «Он нигде, Алистер! Отстает на минуту сорок». Я был оглушен — победа...

Даже сейчас мне сложно точно припомнить все детали тех гонок. Когда ты побеждаешь, и побеждаешь уверенно, то забываешь обо всех неприятных моментах, единственное, что остается в памяти, это сама победа. Но когда я выиграл тот чемпионат мира среди юниоров, мне казалось, что я плохо пробежал, потому что не устал. Ведь мне говорили, что после больших побед всегда устаешь, потому что отдаешься им полностью.

Ни разу за свою карьеру я не думал, что у меня что-то не получится или что мне тут не место. Все происходящее казалось очень естественным.

Большие победы меняют все. Открывают множество дверей. Ты получаешь финансирование, спонсоры вдруг начинают тобой интересоваться. К тебе приходят агенты, которые предлагают подумать о спортивной карьере.

Победа в чемпионате мира среди юниоров имела для меня большое значение. У меня в голове что-то переключилось. Я знал, что каждый, кто побеждал в соревнованиях такого уровня, имел успех в последующей спортивной карьере. Вскоре после Луизианы я начал быстро расти

в спорте. Меня познакомили с Ричардом Дауни, который до сих пор остается моим агентом, и я получил грант в пять тысяч фунтов. Внезапно карьера триатлета стала как никогда реальной, но меня ждали в Кембридже. Мне еще предстояло принять важное решение.

К тому времени я уже заявил о себе крутым парням на чемпионате страны в Виндзоре. Призовые в полторы тысячи фунтов казались заоблачной суммой для вчерашнего школьника из Йоркшира, и мы с моим приятелем Филом Грейвисом замыслили вырвать победу из-под носа у фаворитов. Не сказать, что наша стратегия была слишком хитроумной: на велоэтапе мы решили ехать в главной группе и атаковать с фронта. Я был уверен, что если мы вырвемся вперед на две минуты, то победа станет нашей. Фил мог рассчитывать на половину моего выигрыша за свою тяжелую работу в воде и на велосипеде.

На половине велоэтапа мы поняли — вот оно! Сработало. Я, Фил и Марк Дженкинс вырвались вперед. Нас с Филом никто не знал, поэтому и не думали обгонять. К тому же день выдался невероятно жарким для Виндзора, все страдали. Я еду впереди, выкладываюсь по полной, кричу Филу, чтобы он подъехал сменил меня, но он к тому моменту уже выбился из сил: «Не могу, чувак. Я устал».

Мы выехали из Виндзора. Расстояния небольшие, но, пока мы добрались до транзитки, прошла вечность. Ноги горят... Начинается беговой этап, Джекинс выбегает, и вдруг неожиданно я его обгоняю. Не могу поверить. Я побеждаю на чемпионате страны! Невероятно! Какое счастье!

На седьмом километре все пошло наперекосяк, я начал катастрофически отставать. Неудивительно, ведь это была всего вторая олимпийская дистанция в моей жизни.

Через несколько сотен метров с первой позиции я переместился на двенадцатую. Меня обошли все, кто мог. Но я сделал усилие, я показал себе, что победить в моих силах.

Джонни

Моя карьера началась в девять лет на спортивном празднике в бассейне, в котором мы тогда занимались.

Я получил медали в нескольких заплывах. Победа вдохновила меня, хотя и нельзя сказать, что она была чем-то выдающимся. Думаю, правда, что мой рекорд в плавании на спине среди девятилетних до сих пор не побит. Двадцать пять метров я проплыл примерно за девятнадцать секунд. Мир не дрогнул, но те медали были первыми в моей жизни, и они много значили для меня. С тех пор охота за трофеями вошла в привычку.

В средних классах я впервые одержал победу на суше, это был так называемый НМС-кросс, своеобразное претенциозное выяснение отношений между школами. Алистер никогда там не выигрывал, его лучший результат был второе место, а я вышел и победил, и это было что-то.

Это была первая важная гонка, которую я действительно хорошо прошел, и мне очень понравилось. Ничего себе, оказывается, я могу выигрывать и такое. В том возрасте для меня подобная победа значила очень много, ведь там было столько народу, к тому же примечательно то, *как* я это сделал. Организаторы приглашали так называемого «зайца», старшего мальчика, который должен был бежать вдоль трассы, показывая направление, чтобы участники не сбились с пути. Мы так быстро рванули, что «заяц» не смог выдержать темп и отстал. Еще одно «ничего себе»,

оказывается, я мог обогнать не только детей своего возраста, но и парней намного старше меня.

Впервые я начал тренировался целенаправленно, когда пытался квалифицироваться в команду Йоркшира по кроссу, в тринадцатилетнем возрасте. Был канун Рождества, и я решил пробежаться вдоль канала перед тем, как пойти к дяде на праздничный ужин. Он жил далеко-далеко от нас, и мне пришлось выйти на тренировку заблаговременно, но я это сделал без чьей-либо подсказки и один, без Алистера и родителей. Впервые я не просто вышел на старт и побегал, а подготовился заранее, и это тоже вошло в привычку.

Долгое время то, что должно было быть тренировками, оставалось обычным развлечением. По выходным мы с друзьями ради смеха катались на велосипедах, устраивали турпоходы в Дейлз, валяли дурака, искали новые места и забегаловки. Нам не приходило в голову выехать на прямую скучную дорогу, чтобы проехать ровно два часа и вернуться. Мы думали так: «Поедем отыщем новое кафе».

Алистер хотел, чтобы все думали, что он знает, куда ехать: «Я тут уже был. Я знаю, где мы». Ничего он не знал. Когда он это говорил, остальные со вздохом переглядывались.

Иногда нам приходилось идти по полю с великами на плечах, это случалось по указке Алистера, когда он с уверенностью заявлял: «Тут недалеко есть кафе, рукой подать». В один из таких дней с нами были парни, отличные велогонщики, лучшие в своих возрастных группах, мы с ними переглянулись: «Куда он, к черту, нас тащит?» На счастье, мимо проходили люди, мы их спросили про кафе, они посмотрели на нас с недоумением: «Тут кафе и в помине нет». Через неделю все начиналось по новой.

Нам нравилось проводить время на улице. Помню, как мы отправились с ребятами покататься в Озерный край. Дело было зимой, и в три часа дня уже стемнело. Мы плутали рядом с поселком Конистон по маленьким тропинкам, с одной стороны было озеро, с другой — лес.

И тут у меня спустило колесо. Тогда ходили слухи о сбежавших пантерах, которые шастали где-то в окрестностях. Я успел не на шутку испугаться, и тут из леса раздался вой. Все, конечно же, смылись, а я остался один смотреть на свое колесо.

Вы никогда не видели человека, так быстро накачивающего колесо. Готово. Запрыгиваю на байк, жму на педали, чувствую, что пантеры вот-вот вонзят мне в спину свои клыки. И тут на повороте наш друг Сэм понимает, что у него отказали тормоза. Как раз когда я догнал группу, дорога ушла влево, а Сэм так и поехал прямо: «Увидимся, парни!»

Мы постоянно попадали в истории, постоянно смеялись и соревновались друг с другом только ради шутки, а не во имя спорта.

С нами был парень по имени Майкл Киплинг, с которым мы ходили в бассейн в Лидсе, а потом в Бадфорде. Мы учились в одной школе в параллельных классах, вместе выиграли эстафету на чемпионате страны среди школ. Каждый раз, когда я приходил на тренировку по плаванию, он был там и, сам того не зная, подзадоривал меня. Так было везде, где я тренировался. В школе было полно наших друзей по бегу; друзья по велоспорту были в Triangle, мы стали частью их команды и ездили вместе с ними по заветным тропам. Были еще братья Эдмондсоны, Джош и Натан, которые стали профессиональными велосипедистами. Уверен, что мы никогда бы так много

не катались и не смогли бы узнать все, на что способны, без такой команды. До того как мы познакомились с велосипедистами из Triangle, я считал, что два часа на велосипеде — это много, а эти парни спокойно катались и по четыре. О таком я даже не мечтал, а если бы и мечтал, то ума бы не приложил, куда так далеко можно поехать.

Когда мне исполнилось четырнадцать, я начал превращать развлечение в результаты и задался целью попасть в сборную команду британских школьников по кроссу. С юных лет я мог достойно выступать на уровне страны, но тогда я думал, что буду это делать в составе футбольной команды Leeds United, и перестал заниматься исключительно бегом. На соревнованиях я был неприятно удивлен тем, что парень из моей же школы почти обогнал меня. Раньше такого не случалось, и мне это не понравилось. Раньше мне хватало занятий по плаванию, но вдруг их тоже стало недостаточно. Я был поражен, что же делать? Я могу лучше. Я могу лучше, но ничего не получится, если я не начну прикладывать усилия.

Это был серьезный поворотный момент. Впервые я действительно чего-то захотел и был готов действовать. Мы с папой возвращались с велопрогулки и остановились у спортивного гипермаркета. Я предложил сделку: если папа покупает мне новую веломайку, я буду ездить на велосипеде каждый день. Он купил, а я исполнил обещание.

Я начал усиленно тренироваться, и результаты постепенно улучшались. Я попал в программу Федерации триатлона для молодых спортсменов и вскоре после этого прошел квалификацию на соревнования по триатлону в другой стране. Мы поехали в Бельгию на автофургоне, так у нас появился вкус к заграничным путешествиям. Тогда же я получил свою первую толстовку с символикой

Великобритании, которую храню до сих пор. Еще одним переломным моментом стало то, что я начал зарабатывать первые деньги.

Когда Алистер в четырнадцать лет принес домой форму сборной страны, пройдя на первенство Европы в эстафете, мой мир перевернулся. Я увидел его куртку и поразился: вот она, реальность, — член нашей семьи достоин представлять страну на международных соревнованиях. То же самое было, когда он победил в чемпионате мира среди юниоров. До той поры триатлон был просто увлечением, больше чем развлечение, но без серьезных намерений. Мы занимались спортом дома, не видели никого, кроме наших друзей, и тут Алистер побеждает в чемпионате мира. Границы резко расширились. Оказалось, мы что-то собой представляли и на мировой арене.

Настала моя очередь квалифицироваться на соревнования в эстафете, это было в 2006 году, через несколько лет после Алистера. Я поехал в Хорватию, в город Риека, это была первая по-настоящему серьезная международная гонка в моей жизни. У меня была форма сборной страны и специальный бейдж «Спортивная элита», который позволял мне проходить везде, где я захочу. Я до сих пор храню все эти бейджи.

Формат таких эстафет простой: три человека в команде, каждый по очереди проходит короткую дистанцию — триста метров плавание, восемь километров велоэтап, полтора километра бег. Я принимал последнюю эстафету от Фила Грейвиса. В то время я показывал неплохие результаты в плавании и беге, а вот на велосипеде был немного слабее. Фил передал мне эстафету с хорошим результатом, я шел вторым после португальца Жуана Сильвы, который обгонял меня на пять секунд. Плавательный этап был

сюрреалистический: я думал только о рыбках, которых видел в воде, и смог приблизиться к Жуану только в начале бегового этапа. Потом на большом подъеме я смог его наконец обогнать. Я запомнил свое чувство гордости, когда мчался вниз с горы: вот наконец-то я побеждаю в международной гонке.

Параллельно с нашей гонкой проходило первенство мира среди молодежи до двадцати трех лет. Я не мог поверить, что соревнуюсь на той же трассе, что и Олли Фриман, Уилл Кларк. Еще я не мог поверить, что они меня разбудили в субботу ночью после своей, но накануне моей гонки, шумно ввалившись в гостинцу после паба. Уилл спал в кустах, ну или просто прилег там, на завтрак он явился весь в листьях и траве.

В то время я не воспринимал победу как важный этап на пути к олимпийскому пьедесталу. Я был слишком молод, и разница была огромна. Разница не только между мной и профессионалами высшего класса, но и между мной, Олли и Уиллом, выступавшими на старте двадцатилетних. Я понимал, что я всего лишь шестнадцатилетний ребенок.

Дома никто не заметил моего успеха. Были летние каникулы, и поэтому на школьном собрании о моем достижении никто рассказать не мог, как рассказывали раньше о хороших результатах на первенствах страны по кроссу.

Когда я в том же году квалифицировался на чемпионат мира среди юниоров, это обсуждалось активнее. Мне по-прежнему было всего шестнадцать лет, Алистеру — восемнадцать, и мы ехали бороться с парнями до девятнадцати лет. Казалось, что это выше наших сил, тем не менее все сложилось просто замечательно для одного из братьев Браунли — не для меня.

Я прекрасно проплыл, вышел из воды на пять секунд раньше брата. Потом на одном большом повороте, километре на пятом, я с треском выбыл из гонки — колесо на велосипеде погнулось, я свалился на землю, шансов у меня не оставалось. Я поковылял назад к старту через толпу, безутешно рыдая.

Я вернулся, чтобы найти Алистера, победившего в соревнованиях. В тот момент меня это совсем доконало. Уже потом я узнал, что Жуан Сильва, с которым я шел наравне на юниорских эстафетах, финишировал третьим. Все это было ужасно несправедливо. Я тогда сказал Алистеру, что результат Сильвы показывает, что третьим мог бы прийти и я, а он рассмеялся мне в ответ, сказав, что факты показали обратное.

Что я чувствовал? Я был подавлен из-за того, что у брата нет на меня времени. Это была первая большая гонка, в которой он победил, к тому же очень долгое время после Тима Дона никто из англичан не побеждал в ней. На тех же выходных в Луизиане Уилл Кларк победил в чемпионате мира среди мужчин до двадцати трех лет, а Тим выиграл чемпионат мира. Во всей этой суматохе моя маленькая катастрофа никого по-настоящему не интересовала.

Вся семья собиралась пойти отпраздновать событие мороженым. Я не хотел никуда идти. Мне хотелось только сердиться на то, как плохо прошла моя гонка. О каком праздновании может идти речь? Родители были в восторге, что Алистер стал чемпионом мира, а со мной никто и говорить не хотел о моем провале. Я вынес из этого важный урок — у всех случаются плохие гонки, но после нужно двигаться дальше.